Д Р А М А Т У Р Г И Я

Владислав Кулев

СЕМЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШАГОВ

(аналитическая прогулка)

ОТ РЕДАКЦИИ:

Пьеса В.Кушева "Семьсот тридцать шагов" - лишь часть многостраничной "констелляции" текстов, среди которых упомянем не уступающие пьесе по объему и значению и написанные разными авторами Комментарий (исторический, литературоведческий, мифологический) и Мета-комментарий. Ограниченные возможности журнальной публикации вынуждают нас отделить "Семьсот тридцать шагов" от общего целого и тем самым затруднить путь читателя к пониманию целого. Надеемся, однако, что извещение о существовании смежных текстов насторожит читателя и мобилизует его к прочтению пьесы на верхнем пределе своих герменевтических возможностей.

Предупреждение

Нижеследующий текст являет собой строгое научное исследование, снабженное соответствующим аппаратом/ примечания,ссылки на источники и т.п./. Но поскольку он/о/, в то же время,является всего лишь фундаметом и предлогом для создания драматургического метатекста, упомянутый аппарат опущен/ его предъявление может быть обусловлено лишь интересом к истории содания текста/.

Исследование появилось как результат внимания автора к проблеме топографической шифровки в романе Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание". Попытки локализации на реальной местности основных топографических ориентиров романа предпринимались с момента выхода его в свет, но лишь в 1976 году было строго показано, что при учете всех внутритекстовых указаний однозначная дешифровка в принципе невозможна /К.А.Кумпан, А.М.Конечный,"Наблюдения над топографией"Преступления и наказания",Известия Академии наук СССР, отд.литературы и языка,1976, №2, стр.180-190/. Этот вывод резко противоречил установившемуся взгляду на "физиологическую точность" топографии романа и требовал пересмотра его художественной концепции в сторону романтической дереализации хронотопа, явно противоречащей естественному восприятию.

Автором была предпринята попытка дешифровки с помощью широкого круга культурных ассоциаций и внетекстовых факторов/черновиков романа, дневников и писем Достоевского, мемуарной литературы и т.п./ Ассоциативно-генетический метод и определил ту необычную форму,в которую вылилось исследование, поскольку акцент был перенесен на уровень анализа мотивов поведения.

Известно, что средой обитания человека является культура в широком смысле слова и что в огромной степени именно она определяет наше поведение.В повседневной жизни мы осознаем лишь часть этих культурных влияний, большая же часть их остается неосознанной. В разной степени незаметными в силу своей привычности являются такие факторы культуры как язык, архитектурный пейзаж,личные и коллективные мифы/сны и искусство/, а также число в широком смысле, включая и время.
Как эти факторы формируют человека, его творчество и его судьбу - вот каким вопросам оказалась в итоге посвященной эта пьеса.

Автор еще раз подчеркивает, что мотивы поведения героев пьесы вовсе не лежат в сфере того научного исследования,о котором только что шла речь, в связи с чем при перенесении на сцену предлагаемый текст также нуждается в дешифровке.

Посвящаю

Зое Абросимовой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА :

Федор Михайлович Достоевский - писатель,

Владимир Порфирьевич Амбросимов - биолог.

Место действия - г.Санкт - Петербург - Ленинград.

Время действия - 15 декабря 1982 г.

Приношу свою искреннюю благодарность
Б.Останину - за постоянное дружеское участие ;

Э.Горошевскому и А.Романцову - в творческом содружестве с которыми первоначальная научная разработка приобрела драматургическую форму ;

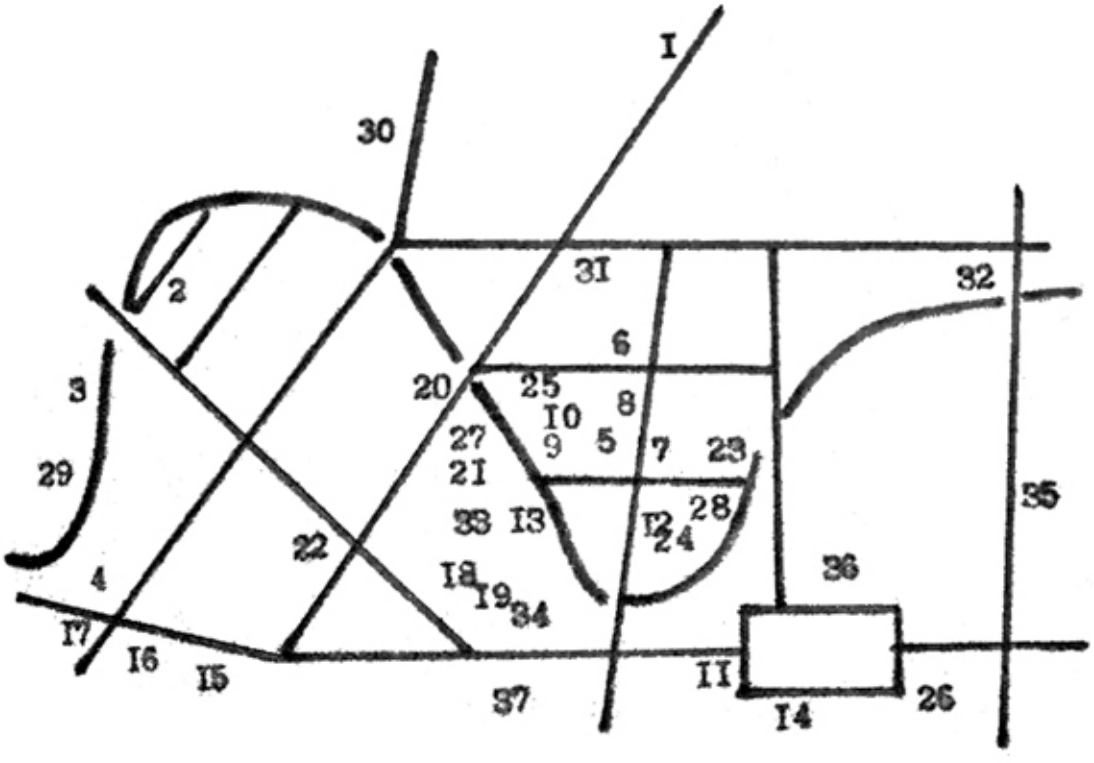
и всем, чья любовь к русской культуре помогала мне в этом исследовании.

Описание схемы :

1. Двор с камнем/Вознесенский пр.,дом №3-5/[x].
2. Дом Грибоедова /Екатерининский канал, дом 104 - Средняя Подъяческая ул.,дом 15 - Екатерингофский пр.,дом 41/.
3. Дом Добужинского / Канал,103/.
4. Дом у Никольского рынка.
5. Дом Бэрвинова/ Малая Мещанская,9 - Столярный ,13/.
6. Дом Раскольникова / Средняя Мещанская,19 - Столярный,5/.
7. Дом Алонкина / Ср.Мещанская,7 - Столярный,14/.
8. Дом Шиля / Столярный,9/.
9. Дом Сони / Канал,73 - Малая Мещанская,13/.
10. Казначейство / Канал,75/.
11. Публичные дома в Таировом переулке.
12. Дом Гоголя /Столярный,18 - Канал,69/.
13. Дом Трута / Канал, 72-74/.
14. Вяземская лавра / Царскосельский пр.,2/.
15. Пале де Кристаль / Садовая,56/.
16. Спасская часть / Большая Подъяческая,26 - Садовая, 60/.
17. Дом Человеколюбивого общества /Садовая,62/.
18. Дом Ярославского / Екатерингофский пр.,5/.
19. Дом Мицкевича /Екатерингофский,3/.
20. Дом Тохя /Вознесенский пр.,27/.
21. Церковь Вознесения Христа.
22. Дом Козеля.
23. Дом Астафьева / Малая Мещанская,1 - Канал,61/.
24. Дом Юнга / Канал,67/.
25. Пожарная Управа / Канал,77/.
26. Церковь Успения Пресвятыя Богородицы.
27. Часовня церкви Вознесения Христа.
28. Дом Сони / Канал,63 /.
29. Казанская часть / Канал, 111/.
30. Полицейский участок / Фонарный,9/.
31. Нумера Бакалеева / Угол Вознесенского пр. и Б.Мещанской/.
32. Дом на углу Гороховой и Б.Мещанской.
33. Фонтан во дворе домов Ярославского-Трута.
34. Дом Майкова /Садовая,51/.
35. Дом Рогожина / Гороховая,32/.
36. Малинник на Сенной пл.
37. Юсупов сад.

---

[x] Нумерация домов - новая, современная, названия улиц - старые.

СХЕМА

топографии района г.Петербурга/Ленинграда,
где происходит действие романа Ф.М.Достоевского
"Преступление и наказание"

Амбросимов : Вот-вот! Вы открыли сверхчеловека!-Вас конспектировал Ницше. Вами вдохновлялся Эйнштейн. Вы пророчествовали о будущей славе России.

Достоевский: России! Благородной и великой России, Святой нашей Матери. Европу и назначение ее окончит Россия!.. Царство мысли и света способно воцариться у нас, в нашей России! Наша способность языка, понимание всех идей европейских, сердечное и духовное их усвоение - все это, чтобы разрозненные личные народные единицы соединить в гармонию и согласие. Всемирность и общечеловечность - вот назначение России! Вы скажете - это сон, бред ! : хорошо, оставьте мне этот бред и сон.

Амбросимов : Оставили, Федор Михайлович,оставили. И Ваш дом,тот, что с меандром, и дом Раскольникова. К ним теперь на экскурсии водят. Сам видел ана-оно-мнясь: семьсот тридцать... один автобус из Японии.

Достоевский: Сколько!? Простите, запамятовал, как звать-то Вас.

Амбросимов: Владимир.

Достоевский: Прямиком из Японии ?

Амбросимов: Порфирьевич. К дому Раскольникова.

Достоевский: Да к которому же?

Амбросимов: Это условно. Толком-то никто не знает : одни толки идут. Полемика-с, сплетни. Литературы много накопилось на сей предмет, капитальные есть исследования.

Достоевский: Что Вы говорите,Владимир Порфирьевич! Неужто не нашли?

Амбросимов: Нет.Вы всех запутали. Замели следы, простите за дерзость. / Напевает/ Степ да степ кругом, путь далек лежит...

Достоевский: Беда-то какая! Ай-ай-ай! Вот беда ... Помадки не желаете,Владимир Филиппыч?

Амбросимов : Это зачем?

Достоевский: Да мармелад это, голубчик, мармелад./Тихо смеется/.

Амбросимов : Ах,мармелад! Спасибо,Федор Михайлович, спасибо! А то, грешным делом,подумал - марципан.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный...
Он имел одно виденье... Уму непостижимо! сладко!..
Вот только меня Порфирий зовут, Порфирий! По батюшке.
Понимаете? Пор-фи-рий.

Достоевский: Простите, Христа ради, любезный друг мой, Порфирий Петрович... Владимирович... да.
Память у меня совсем плоха стала, рассеян ужасно-с, гнусная и отвратительная рассеянность.

Амбросимов: Ах, да не все ли равно, Федор Михайлович! Я ведь не про себя напомнить-то Вам хотел.

Достоевский: Как не все равно? Никогда не смейте так говорить! Никогда! Это стыдно!

Амбросимов: А ведь Вы меня не узнали.

Достоевский: Это значит не уважать своей личности! Человек должен с гордостью носить свое имя и не позволять никому, слышите, никому забывать его!

Амбросимов: А Вы меня не узнали.

Достоевский: Не узнал? Но разве..? Постойте!... Не имел чести.
С кем имею? Натуралист?.. А-а-а! бернары!
Аве-нарр-с!

Амбросимов: Здравствуйте, Федор Семенович! Здоровались уже...
Так я Вам никого не напоминаю?

Достоевский: В самом деле? От Порфирия? Петровича?

Амбросимов: Вроде.

Достоевский: Ай-ай-ай... Право, какое утро фантастическое...
А тут еще город...
То есть как это он сочинился у нас, скажите пожалуйста!
Подозрительные и необыкновенные люди выживаются по здешним углам.
Так и Вы где-то здесь?

Амбросимов: Поблизости. Тет-а-тет с Соней.

Достоевский: Да как же Вам известно, где Соня живет?

Амбросимов: Говорят.

Достоевский: Ах, говорят.

Амбросимов: Правда, и тут небесспорно. Но... я не исследователь Вашего творчества. Так, проходил некогда, в школе.

Достоевский: А сейчас что ж?
Ах, да! -факультеты!.. Для Вас - ученые исследования, книга, перо за ухом - вот где парит Ваш дух!.. Вам вся эта бель-летрика, можно сказать,- [illegible], аскет, монах, отшельник! Впрочем, ведь Вы уж, конечно, не нигилист? Отвечайте откровенно, откровенно!

Амбросимов: Н-нет...

Достоевский: Нет, Вы знаете, Вы со мной откровенно, Вы не стесняйтесь, как бы наедине сам себе. Иное дело служба, иное дело... Вы думали, я хотел сказать - дружба? Не-ет-с, не угадали, не дружба, а чувство гражданина и человека, чувство гуманности и любви к Всевышнему. Я могу быть и писателем , и пророком, но гражданина и человека я всегда ощутить в себе обязан и дать отчет. Отношусь к Вам как к человеку, облагороженному образованием. Вот еще этих...

Амбросимов: Бога ради, Федор Михайлович! О повитухах ни слова! Мне бы не хотелось... Уж полдень близится, а я не... Вы думали, я хотел сказать Германн? Не-ет-с, не угадали, стократ не угадали! Сократ,- я хотел сказать, Со-крат. Акушерство и гинеко...кратия. Или гиппократия? А-а! Ипохондрия! Маркиз дель Крокодило! Да? Коли уж откровенно? Коли! К топору зовите Русь! Время у Вас найдется? Простите, у Вас нет времени. Так, может, проясним кое-что, коли уж откровенно?

Достоевский: Да чего же ,ты,батюшка, так вдруг... что такое? Фу,какой странный! Мне сдается - Вы бредите.

Амбросимов: Брежу? Я странен? Ну, а любопытен Вам,а? Любопытен?

Достоевский: Любопытен.

Амбросимов: Ушки на макушке?

Достоевский: Какая еще там макушка?

Амбросимов: После скажу,какая ма́кушка, а теперь, мой милейший, объявляю Вам... нет, лучше: "сознаюсь"... нет, и это не то: "показание дал, а Вы снимаете" -вот как!
Так дал показание,что читал,интересовался,отыскивал...

Амбросимов: ...разыскивал...разыскивал - и для того завел скда-
черточку стократтысячную.

Достоевский: Какую-такую сто...тысячную? Что за черточка ?

Амбросимов: Да Вы только что о ней говорили.

Достоевский : Ах, вот Вы о чем! И на какой предмет?

Амбросимов: Да на предмет Почвы,Традиции, культуры в конце концов.
Время,говорят,требует Правды?..
Приступим?

Достоевский: /осунулся, сгорбился, ушел в себя, как улитка,мрачнб/
Что?

Амбросимов: Преступим-то? Да прогуляемся - в мир мечты, снов,
туманов, белых ночей, бледных ангелов, видений, наказа-
ний, преступлений... Преступим черточку, которая отде-
ляет вымысел от действительности, нормального человека
от больного, одного от другого, иного, множественного...
Только где она, махочкая, где?..
Я сказал не пре-ступим, а при-ступим! Вы ослышались.
Это выдает...

Достоевский: Что выдает? Опять Вы за старое, Порфирий Петрович?
Все за те же Ваши приемы! Как это Вам не надоест в
самом деле?

Амбросимов: Э, полноте, что мне теперь приемы, когда у меня
чёрт...точка в руках !

Достоевский: Вы что - заика ?

Амбросимов: Зайка. Прыг-скок и уже поспел.
Зачем Вы Анну Григорьевну обманули ?

Достоевский: Свою супругу, милостивый государь, я никогда не обма-
нывал. Что за нескромности!

Амбросимов: Нет, и не про то , Федор Михайлович! Боже упаси!
Я не Страхов.

Достоевский: Но как я еще мог?..

Амбросимов: Обманывать? Не столько ее даже, как через нея -
-публику.

Достоевский: Публика-то, публика тут при чем?

Амбросимов: А зачем Вы ее повели во-о-он как далеко от места-то?

Достоевский: Какого еще места?Извольте говорить прямо!
Без намеков.

Амбросимов: Вы показали Анне Григорьевне дом, где жила процентщица?

Достоевский: Не помню. Месяц медовый... Гуляли-с...

Амбросимов: Вы даже показали ей камень, под которым Родион сокровище схоронил!

Достоевский: Возможно. Ну, и..?

Амбросимов: Анна Григорьевна вспоминала, что Вы зашли во двор этого дома / Схема, I/, что в начале Вознесенского проспекта, извините, зачем заходят в укромные места прохожие.

Достоевский: Да?! O sancta simplicitas! Вот будь она хрома, али горбата, я бы, кажется, еще больше ее полюбил...

Амбросимов: Да бросьте, Вы же на это и рассчитывали.

Достоевский: Не вижу, в чем тут расчет мой мог состоять. Что за выгода? / Смеется/ Или Вы в самом деле думаете, что я деньги прятал ?
Мне не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить.

Амбросимов: Вы рассчитывали, что святой простоте все поверят, не размышляясь...

Достоевский: Не размышляя-сь? Странно... Впрочем, вздор!
Что Вы все ходите вокруг до около?

Амбросимов: Это Вы уходите. Давайте попросту: да-да, нет-нет, остальное от лукавого.

Достоевский: Да кто Вы? Какое право имеете?!

Амбросимов: Материнское. С Элагина острова. Или плаща не заметили?

Достоевский: Вы или сумасшедший, или ...

Амбросимов: Или? Что "или"? Ну, что? Ну, скажите-ка!

Достоевский: Ничего! Все вздор!.. Что Вы чай-то не пьёте? Остынет.

Амбросимов: А? Что? Чай?.. Пожалуй...
Так Вы показали Анне Григорьевне дом старухи-процентщицы?
/ Пауза/
Ну, намекнули, по крайней мере. Ведь как у Вас ? -
По Подъяческой пошел,
Свой прежний нашел... Харламов мост... дом?

Достоевский: Ты говоришь.

Амбросимов: Якобы дом тот находится на Екатерининском канале в районе Подъяческих близ Харламова моста. Вот тут /Схема, 2/. Этот дом? Этот? Посмотрим, посмотрим... Здесь один двор?

Достоевский: Не совсем, чтоб один ...

Амбросимов: Полноте, Федор Михайлович! Не будем же мы считать вторым двором этот закуток в вершине...

Достоевский: Согласен.

Амбросимов: Треугольного двора. Цитирую:
С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходившему единою стеною на канаву, а другою в -ю улицу.

Достоевский: Входящие и выходящие так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах дома. Тут служили три или четыре дворника.

Амбросимов: Прямо Ноев ковчег.
Много окон, выходивших на этот огромный, квадратный двор, было отперто в эту минуту, но он не поднял головы.
Сил не было.
А Вы в силах?..

Достоевский: Чинах...

Амбросимов: Херувимах, престолах, серафимах, ангелах... падших.
И, тем не менее, публика введена в заблуждение.
Где второй двор? Где четыре ангела, тьфу, дворника?
Нельзя же называть вершину треугольника стороной, а треугольный двор квадратным !

Достоевский: Натуралист прямо. Положительный метод. Логистика !

Амбросимов: Нет; я из морфологов. Последователь Кювье.

Достоевский: По одной косточке? Но при чем тут Грибоедов? Чацкий мелко плавает, основной сущности зла не понимает.

Амбросимов: По вкусу дома подбирают. То-этот /Схема, 2/, то - тот /Схема, 3/, а не то и на торг / Схема, 4/.

Достоевский: /Смеется/ Да, что говорить! Был грех, спросил кого-то: Ну, как, мол? - Да, вот, - говорит, - жил я этим летом на даче в Павловске и, гуляя с дочерьми, мы все искали ту роскошную дачу, во вкусе швейцарской хижины, в которой жила героиня романа Аглая Епанчина.

Достоевский : Воля Ваша, - продолжает, - такой дачи в Павловске не существует!

Амбросимов: Это "Идиот"! А мы о "Преступлении"... Где жила старуха?

Достоевский: Толку-то что с того? Все вздор один,вымысел,книжные мечты-с...

Амбросимов: Теоретически раздраженное сердце... Опять цитируем. Но создается впечатление, что Достоевский как бы умышленно скрывает подлинные места,интригуя и намекая, что Вам они хорошо известны.Помните "белые ночи"?- Никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком.

Достоевский: Что ж: фантазии, сны, мечты,ночи...

Амбросимов: То есть,все это, я Вам скажу,взяла да и выдумала, и не то, чтоб из легкомыслия,для одной похвальбы-с! Нет-с,сама всему верит,собственными воображениями себя тешит,ей-богу-с! Ия не осуждаю ; нет, этого я не осуждаю...Но - Почва! Вначале - почва! Где жил Раскольников? Колоться будете?

Достоевский: Оставьте Ваш тон и возьмите человеческий.

Амбросимов: Простите,Федор Михайлович, заигрался. Но и Вы тоже хороши! Такого тут напутали! Сам черт ногу сломит. Не понимаю только,причем тут Капернаумов? Хром и косноязычен, косноязычен и хром,косно... Погодите!Гефест же не портной, а кузнец?

Достоевский: Причем тут Гефест? Вроде бы я...

Амбросимов: Ах,да! Лессаж! Бес хромой.Понятно. Но где Родион? Где жил Родион? Я у всех спрашивал. Решительно у всех.Одни говорят - в доме девять по Малой Мещанской (Схема,5)...

Достоевский: Что-с?

Амбросимов: Штосс. Это у Лермонтова.

Достоевский: В Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом ти-тулярного советника Штосса.Был дом Кифейкина, а теперь так Штосса.

Амбросимов: Это дом Евреинова.

Достоевский: Так он трехэтажный!

Амбросимов: Благодарю. И в самом деле, версия сомнительная. Большинство предпочитает дом девятнадцать по Средней Мещанской / Схема, 6/. В любой книге можете прочитать: Каморка его приходилась под самою кровлей высокого пятиэтажного дома. И тут же фотография - четырехэтажного!

Достоевский: Разве этак возможно? Разве это исследование? Я же писал до мельчайшей точности, все подробности текущего. Как же так?

Амбросимов: Но где же тогда?

Достоевский: А почему бы не в моем? Где я "Преступление"-то писал? /Схема, 7/.

Амбросимов: У Алёнкина? Понимаю. Анне Григорьевне Вы это тоже пытались внушить.

Достоевский: Зачем? Она сама. Он сразу напомнил ей дом, где жил Раскольников.

Амбросимов: Вот-вот. И топрр в дворницкой лежал, да? У самого выхода в подворотню, под лестницей. Три ступеньки вниз. Или две?.. Куда теперь японцев тех водят из семьсот тридцать... первой.

Достоевский: Но...

Амбросимов: Но дом тоже четырехэтажный. Не сходится. Что ж, Федор Михайлович, остается считать...

Достоевский: Что?

Амбросимов: Что Родион прав: в Столярном , у Шиля(Схема, 8). Тут и аргументик один веский припрятан: Соня...

Достоевский: Соня?!

Амбросимов: Принято считать, что Соня жила на канале, не очень далеко от Вознесенского моста. Близко.

Достоевский: Возле -ского моста, согласно тексту.

Амбросимов: Я и говорю. Построили там для нее зеленый трехэтажный домик, согласно тексту, после Вашей смерти уже. /Схема 9/. Только вот не попасть к ней никак без дремадолита.

Достоевский : Это почему ?

Амбросимов : Да потому что сон. Я пытался как-то через подворотню с набережной проникнуть. Длинная такая подворотня - туннель прямо, то есть, косо - она в соседний дом ведет /Схема,I0/. Там раньше Казна была. Но все равно интересно: как улей, не правда ли? Три двора,как соты, и леток. Сладкий дом, мармелад просто...
Но если все же войти в сон-дом,сдом,- через парадную, в двух шагах от туннеля справа,то можно попасть в некое подобие галереи, через площадку второго этажа. Настоящая-то галерея в другом доме, да?

Достоевский: Как это Вы так заметили?

Амбросимов,: Вот-вот, куда Заметов с Разумихиным хаживали : Таиров переулок /Схема,II/. Галерея там как раз с внутренней стороны по третьему этажу двор обходит, и нумера - с, нумера-с... Только вот девочки не от себя живут, от Лавизы.

Достоевский : Превосходно!

Амбросимов: Не думаю... И комната треугольная есть - один угол ужасно острый и убегает куда-то вглубь, другой же широк, до безобразия широк русский человек... Но это потом, это потом... Слишком широко... Я бы сузил.
О чем бишь?

Достоевский : Об аргументике.

Амбросимов: Благодарю. Так вот, если исходить из движения Мармеладовой из дома Раскольникова, то он, дом Раскольникова, должен находиться на нечетной стороне Столярного. Правой.

Достоевский : Это почему ?

Амбросимов : Посмотрите: ей надо завернуть направо, чтобы попасть к себе на канал, в Капернаум.

Достоевский : Кому ?

Амбросимов: К портняжке - Гефесту, у которого семь детей, правда, не хромых, но тоже мелких, маленьких идиотов с застывшим смехом на лице. Это их что ли ипохондрики режут ? Вивисекция.

Достоевский : Гефест? Капернаум? Направо ?.. Не может быть !

Амбросимов : Что?

Достоевский : Ничего,ничего, продолжайте. Направо? Как же так ?

Амбросимов: Как в тексте: Вам направо, Софья Семеновна ?

Достоевский : Пошла потупясь, торопясь, чтобы поскорее как-нибудь уйти у них из виду, чтобы поскорее пройти как-нибудь эти двадцать шагов до поворота направо в улицу.

Амбросимов : Да, заминка... Но дом Шиля / Схема,8/ тоже четырехэтажный. Нет, Федор Михайлович, придется, я вижу, считать...

Достоевский: Считать ? Да что считать-то, что?

Амбросимов: Как это - что?! Да шаги же, конечно,шаги!

Достоевский: И что это Вы вдруг затеяли, батенька, проверку эту? Смешно,право.

Амбросимов: Психология творчества меня заинтересовала.

Достоевский: Говорите - психология, а между тем въехали в математику.

Амбросимов: Ну-у! Не Вам бы меня упрекать, не мне бы слушать! Сами-то, сами!Только и делаете, что считаете,считаете, считаете!

Между Раскольниковым и Разумихиным - один шаг, чуть лбами не сталкиваются ; Свидригайлов стоит перед Дуней в двух шагах, Соня открывает дверь, когда Родион от нее в трёх ; в трёх же шагах Дуня стреляет в Свидригайлова, идёт он за Соней по пятам в пяти шагах, кстати, четырёх шагов в романе никто не делает, а "до смерти четыре шага" ; между их нумерами - шесть шагов, точно как на галерее у проституток ; сидит он от Дуни в восьми шагах, Родион после удара хлыстом делает десять шагов по направлению к часовне, которая от него в двадцати шагах. К часовне ведь, кажется? Да, к часовне. Двадцать шагов.

Достоевский : Вы отмечаете все эти цифры и числа, как человек уже сосчитавший дни свои, а не как человек, живущий самой полной, непосредственной жизнью, настоящею минутой, без всякой заботы о последних выводах, цифрах или ...

Амбросимов : Нечего мне Терентьева шить!

Достоевский: Шить?

Амбросимов: Вспомните лучше те сто шагов, которые Вы с Пушкиным рядом шли и ничего у него, целых сто шагов, спросить не посмели,после того,как он Вам "убийцу" в глаза сказал!

Достоевский : Да что Вы... что... кто убивец?/ Про себя/ До чего человек возобожал себя! Кто он? Кто этот вышедший из-под полу человек ? Почему он только теперь выходит из-под земли?

Амбросимов: Да что Вы так побледнели, Родион Романович? Не душно ли Вам, не растворить ли окошечко? Я же не Толстой. Из черновиков это я, из черновиков... Думаете,безнравственно? Впрочем, что есть нравственность?!

Достоевский : Нравственные идеи есть! От религиозного чувства они. Доказать же, что они нравственны нельзя. Тут соприкасание мирам иным. Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Мысль так.
Не обмануло меня сердце : как увидел Вас, так будто толкнуло что - нигилист! Совсем Вы контакт потеряли со всем!

Амбросимов: Ну зачем же так, Федор Михайлович? Почему не соприкасаемся ? Есть контакт ! И на Луне Аполлон наследил, и Шамбалу этим летом человек триста посетило.

Достоевский: Что за Шамбала?

Амбросимов: База для летающих тарелок из миров иных.

Достоевский: Тарелок? Метла, выходит, нынче не в моде?

Амбросимов: Технический прогресс. В мирах иных тоже не отстают от нас. Подтягиваются гоминоиды !

Достоевский : Ничего не понимаю.

Амбросимов: Я тоже, но интересно! - аж дух захватывает! - во время контакта, по ночам, в парных снах, когда гигантские троглодиты легко и грациозно впархивают в палатки участниц экспедиции.

Достоевский: Вот в Берлине я видел орангутанга!

Амбросимов: Шамбала на Памире. Но зимой они мигрируют в Тибет - когда кончаются банки со сгущенным молоком и корни неизвестных науке растений.

Достоевский : Да что Вы тут мелете?

Амбросимов: Я серьезно. О Пушкине речь.

Достоевский : Да как Вам не стыдно, милостивый государь? Пушкин - и какие-то орангутанги... берлинские!

Амбросимов: Ну, а давешний мещанин, в таком же халате и так же сгорбленный? С которым прошли Вы шагов сотню, рядом и опять совсем молча? Ну, а холод-то этот в спинном мозгу? Колокольчики-то эти, в болезни-то, в полубредевоскресный-то звон колоколов В-нской церкви,а? Не этот ли звон ему старухин-то колокольчик Вам напомнил? Как там у Вас?

Достоевский: Брякнул так слабо, как будто был сделан из жести, а не из меди. Этот особенный звон как будто вдруг ему что-то напомнил и ясно представил... Да что Вы меня с Раскольниковым путаете?

Амбросимов: Сами же пытаетесь всех уверить, что Вы и Раскольников-одно!

Достоевский: Я?!

Амбросимов: Не я же перенес свою дворницкую в дом Гоголя.

Достоевский: Гоголя? Гоголь-то, Гоголь тут причем? Гоголь великорусского народа совсем не знал.

Амбросимов: Они вошли темными Казанскими воротами в Мещанскую улицу, улицу табачных и мелочных лавок, немцев-ремесленников и чухонских нимф. Оттуда поворотили в Столярную, наконец, к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом.

Достоевский: Это же "Невский проспект."

Амбросимов: Столярный переулок. Грязный свой переулок, излюбленный и свойственный ему переулок. Этот дом я знаю - сказал я себе : это дом Зверкова. Эка машина!
Помните клочки? Одежды, другого мира... Здесь Гоголь жил. Петербургский небоскреб ; шесть этажей со двора, пять с улицы и каморки, каморки, каморки / Схема,I2/.

Достоевский: Все-то замечаете. Настоящий игривый ум-с!

Амбросимов: Благодарю за цитату. Если ее продолжить, то станет ясно, что Вы умышленно сшиваете два лоскутка/клочка/ текста: Это ведь у Гоголя, говорят, эта черта была в высшей-то степени-то? - Да, у Гоголя... Раскольников прошел прямо домой./Смеется/Пробрался в шестой этаж и зазвонил в колокольчик! Нет,Вы только оцените себя,

Федор Михайлович! Какие ассоциации, какая скрупулезная проработка деталей, какой, простите за выражение, реализм! А Вы говорите: мечта, фикция, фантазия! Не-ет! Тут дело серьезное. Тут все рассчитано, каждая мелочь, черт-точка.

Достоевский: Опять Вы с этим черточкой.

Амбросимов: Но почему Соня идет направо? Ведь от Гоголя ей налево! Правда, и шагов тут не двадцать до поворота, а раза в три больше, но это потом, это потом... Так почему, спрашивается, направо? По чему? По чему она идет направо? По почве?

Достоевский: Ошибка. Досадные ошибки. Писал-то я далеко, за границей, по памяти.

Амбросимов: Ну, положим, написанное по памяти-то Вы сожгли... Это потом!.. Значит, по памяти, говорите? Не по почве, а по памяти. Вечная память,- Софья Ивановна.

Достоевский: Семеновна.

Амбросимов: Ивановна. Бедная Сонечка! Сразу два папы! Прямо улей какой-то: трутни. От Трута. Там тоже Гоголь жил. / Схема, I3/.

Достоевский: Что Вы несете?

Амбросимов: Копеечку нашел и несу... Орел или решка?... Так где тот дом? Где старушка? Где Аленушка?

Достоевский: А это Вам уж решать, батенька, загадку эту.

Амбросимов: Вот как? Извольте. Вперед за Раскольниковым! В зону Хрустального дворца, оттуда начнем. Но где он? Анне Григорьевне Вы сказали, что он в "Вяземской лавре" / Схема, I4/, в черновиках же даете точный адрес сей отели "Де Кристаль"- Садовая, 56 / Схема, I5/, чем повергаете исследователей в недоумение.

Достоевский: Я реалист в высшем смысле слова. Изображаю все глубины души человеческой... Реализм есть ум толпы, большинства, он всем по плечу. Реалисты неверны, ибо человек есть целое лишь в будущем, а вовсе не исчерпывается настоящим... Для вас пишу вещи серьезные - вы ничего не понимаете, да и художественно нельзя писать для вас, а надо бездарно и с завитком... Ибо в художественном изложении мысль и цель обнаруживаются твердо, ясно и понятно.

А то, что ясно и понятно, то конечно, презирается толпой.

Амбросимов: То-то каждое Ваше слово вдвойне воспринимаешь, словно под ним другое сидит! Но это потом. Вначале - о топографии. Где теодолит-дремадолит? Впрочем, и без него видно, что Хрустальный дворец находится на Царскосельском проспекте, шагах в тридцати-сорока от Сенной /Схема,I4/. Следим за Родионом. Вот он выходит из кабака, доходит до Садовой, заворачивает за угол и следует прямо на Вознесенский мост. Отсюда до полицейской части, куда он направляется, два шага всего: второй поворот налево. Так?

Достоевский: Да. До конторы.

Амбросимов: Теперь так: в контору из своего дома он идет по Садовой, да?

Достоевский: Предположим.

Амбросимов: Ножницы получаются. Значит, часть...

Достоевский: Контора.

Амбросимов: Контора,извините,расположена на перекрестке Большой Подъяческой и Садовой? Похоже. А вот и дом с каланчой. Эта каланча? Эта? / Схема,I6/.

Достоевский: Возможно.

Амбросимов: Но где же пожарник?

Достоевский:Продолжайте, мой друг. Вы имеете несомненные способности по сыскной части. Дан талант,так надо усовершенствовать.

Амбросимов: Какая ирония судьбы! Напротив Спасской части - дом Человеколюбивого общества / Схема,I7/. Но он идет не туда... Подождите! Куда это он у Вас идет? Ему же в Конный!

Достоевский: Как в Конный?

Амбросимов: Ну, сдаваться-то он идет в конце через Конный!

Достоевский:Это потому, что контора переехала. Помните, еще свежей краской пахнет?

Амбросимов: Краской пахнет вначале.

Достоевский: На Садовой.

Амбросимов: Так куда она переехала? С Садовой или на Садовую?

Достоевский: Контора?

Амбросимов: Часть! И когда? В начале или в конце ? Что тут у Вас со временем? Куда оно переехало? Или кого? Мармеладова или Вас? Впрочем, это потом. У Вас же нет времени. Сейчас о другом: он идет не туда. Он трусит и хочет оттянуть время, придти в часть крюком через две улицы. Он сворачивает в переулок, но не в Конный - в Вознесенский!

Достоевский: Погодите! Погодите! Куда Вы? Там же противоречие!

Амбросимов: Ничего,разберемся.Всему свое время,даже если оно движется вспять.

Достоевский: Разберемся? Когда?

Амбросимов: Потом.Вначале... последуем за Раскольниковым.
Что его заставило свернуть? Трусость? Не только. Тут дело в другом. Что-то его подсознательно притягивает, какое-то болезненное впечатление,да?
Ах вот что притягивало-то его! - внезапно он очутился у того самого дома! Отлично! Район поисков сужается. Загоняем льва в треугольник: Садовая-Вознесенский-Канал. Молчите? Что ж, пойдем в обход.Молча.
После убийства он выходит из того самого дома,сворачивает налево,проходит по улице, вновь сворачивает и оказывается на набережной канала. Так-так...Крутим ленту назад. Чтобы попасть сюда, на канал, следуя указанной Вами тактике, нужно идти от дома, расположенного в нашем треугольнике или на Садовой, или на Екатерингофской улице.

Достоевский: Проспекте!

Амбросимов: Ну-у... это такой проспект, что его и улицей не назовешь: Раскольников во сне, с мещанином-то, вообще в переулок сворачивает. И Юсупов сад рядышком. Да сами же Вы пишете, что Мармеладова раздавило на улице! Прямо у дома Козеля, в тридцати шагах.

Достоевский: А где дом Козеля ?

Амбросимов: Это я у Вас сам спрошу. Только потом. Будем последовательны. Вначале - процентщица!
Итак, на Садовой дом располагать нельзя: не будет выходить на канаву. Значит - Екатерингофский! Помните,когда Родион в часть идет - в начале - он проходит поворот во вчерашнюю -"в" улицу и с мучительной тревогой загля-

дывает в нее, на тот дом? Заглянем и мы. Да тут дом Ярославского / Схема,I8/ с проходным двором на канал к дому Трута! Одна стена на канаву, другая в -ю улицу, под обоими воротами, два двора : огромных,квадратных, сразу из подворотни направо вход в подъезд. Поднимаемся на четвертый этаж: единственная площадка, на которой две квартиры! Все сходится, Федор Михайлович, все!

Достоевский: Нет, не все!

Амбросимов: Дворников нету? Или ангелов? Ай-ай-ай... Где же они? Ау-у!

Достоевский: Нет не все. Здесь нет окон: глухие стены.

Амбросимов: Ну, это просто - комбинация.

Достоевский: Из чего?

Амбросимов: Из стен и окон. Стены переносим на Вознесенский 3/5,где сокровища храним, а окна от Трута - сюда. Обычный Ваш прием. Соне -то Вы номер квартиры у старушки отобрали,девятку-то. У Сони числа нет. Это у Данте девятка Беатриче сопровождает: паж.

Достоевский: Браво! Удался чрезвычайно! Как говорите? Девятку у старухи отобрал для Беатриче-то? Ну, а старухе-то что? Лизавету что ли у Пушкина умыкнул?

Амбросимов: Старухе?! Ну-у-у-у... старухе-то, старушке, старушонке-то старенькой... сами знаете - что! - по темечку! По макушке, по макушке, маковке желтенькой...

Достоевский: /трет висок/

Амбросимов: Да, кстати, тут для Вас во дворе и сюрпризик припряталося: фонтан у просвирни / Схема,33/. Вот почему Родион про фонтаны-то думает, когда на убийство идет! Казалось бы:чего это вдруг, да? Да?! Что ж Вы сразу-то не признались, Федор Михайлович?

Достоевский: Искусство писателя - вычеркивать все свое.

Амбросимов: Лишнее.

Достоевский:Свое!

Амбросимов: Прекрасно! Свое - значит лишнее, личное. Так, так... Что ж, и к этому мы еще вернемся.

Достоевский:К чему?

Амбросимов: К тому, что Вы вычеркивали из текста и зачем. К тому, что зашифровано, запретно,запрятано. Найдем ключ и посмотрим,

что за сокровище-кровище Вы прячете. Одно мы уже нашли: Елену...
Вы куда, Федор Михайлович?

Достоевский: Как странно, знаете... Что же теперь делать? Вот и забыл, как нарочно, вдруг забыл, сейчас помнил...

Амбросимов: Я сказал - Елену мы нашли.

Достоевский: Алену Ивановну.

Амбросимов: Алену, Аленку, Аленушку...
Но согласитесь, здесь шагов-то гораздо меньше. Раза в два, я думаю.

Достоевский: Раза в два, Вы правы...
А вспомнил! - бежать! скорее бежать, непременно, непременно бежать! Да... а куда? Понимаете ли, понимаете ли Вы, милостивый государь, что значит, когда уже некуда больше идти? Что это?... Чай.

Амбросимов: Странно, странно... Сразу после "Преступления" Вы уезжаете за границу?

Достоевский: Да. Что ж тут странного?.. Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти.
Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!

Амбросимов: Четыре года там прожили, два романа написали, двух детей родили...

Достоевский: Сонечка умерла...

Амбросимов: Искренне сочувствую.

Достоевский: Двух с половиной месяцев от роду. Мы назвали ее в честь моей племянницы, Верочкиной дочки... Но к чему это Вы?

Амбросимов: Столько событий, столько впечатлений новых... И, тем не менее, возвратившись в Петербург, куда Вы квартиру-то нанимать идете?.. Что молчите? Обо всем известно-с. Сюда, Федор Михайлович, сюда. На Екатерингофский, рядом с домом Елены / Схема, I9/. И что это Вас потянуло сюда из Вознесенского переулка? Какое болезненное впечатление?

Достоевский: Мы выбрали эту местность с той целью, чтобы наша девочка жаркие июльские и августовские дни могла проводить в Юсуповском саду... в двух шагах от дома.

Амбросимов: Да ладно! Это Вы с Анной Григорьевной считайте. А мы с вами по каналу посчитаем.

Достоевский: По канаве? Да зачем по канаве?!

Амбросимов: Так ведь надо было торопиться и в то же время сделать крюк: подойти к дому с другой стороны! Посчитаем-ка до Трута.

Достоевский: Зачем же до Трута? До Трута и того меньше семисот... тридцати-то...

Амбросимов: Действительно, идти ему было немного: он даже знал сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался...
Где Вы взяли это число?

Достоевский: Не помню. Память у меня очень слабая.

Амбросимов: Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?

Достоевский: В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Амбросимов: / подбрасывает монетку/ Откуда она? Не с луны же свалилась?

Достоевский: На каторге считал! В остроге! В Италии!

Амбросимов: Ну, от собак схватил? Ну, темнота... Ну, в Италии... Родион, чай, не по Риму ходит, немея от восхищения! Читали Фрезера?
Так что же находится на семьсот тридцатом шагу, если идти от дома Гоголя по каналу мимо Трута? Это где-то за Вознесенским мостом будет...

Достоевский: Да это еще зачем?!

Амбросимов: Не знаю. Но что-то ведь заставило его именно там свернуть с пути покаяния!

Достоевский: Что ж, любопытно познакомиться с методой Фрезера.

Амбросимов: Ничего достойного внимания. Странно. Перелет? Да-а... Совершенное действие не имеет следов.

Достоевский: А что Вы ожидали увидеть? Пиковую даму?

Амбросимов: Червовую. Послушать хотел - всех вместе: даму, семерку, тройку, туза. Полифония. Анахата - звук сердца. Как невеста украшенная для мужа своего... Свадьбу-то где играли после "Преступления" ?

Достоевский: В Троицком.

Амбросимов: Там венчались. Невеста в белой фате, жених ...полунощный. Жена да убоится вечнаго мужа своего. Аллилуйя! Нет, я про другое: в каком доме гуляли? Куда окна смотрели, где месяц медовый проходил?

Достоевский: Знаете.

Амбросимов: Знаю. В Вознесенском переулке, куда Родион свернул. Да, Федор Михайлович, да!.. Шаги не совпадают, но все остальное! Право, если бы не документы, можно было бы заподозрить нас в шулерстве: мол, подтасовываем карты, топографические, в угоду системе.

Достоевский: Какой системе?

Амбросимов: Да той, что Вы избрали в Висбадене.

Достоевский: Гнусная фантазия, мучавшая меня много лет. Я все мечтал выиграть. Мечтал серьезно, страстно. Не гожусь в разряд сносно живущих людей.

Амбросимов: На тройку ставили или на семерку? А потом? На даму? Или на туза? Ах, да! Не "фараон" же! Значит, на зеро. Семь- три- ноль. Направо легла дама, то бишь, тройка; тройка, то бишь, дама. Вот давайте на нее и поставим. Меня все же интересует личность убитой: никто опознать не может. Кто такая?/- Чиновница? Венус московит?

Достоевский: Да Вы... Да что же Вы теперь-то все так говорите?

Амбросимов: Что так говорю? А объясниться пришел-с, так сказать, долгом святым почитаю. Кто такая Елена?

Достоевский: Я не люблю шпионов и психологов, по крайней мере таких, которые мне в душу лезут! Вы думаете, я Вас боюсь?... Вы совершенно убеждены, что я пришел Вам открыть одну "страшную" тайну... Ну, так знайте, что я Вам ничего не открою, никакой тайны, потому что в Вас совсем не нуждаюсь. Дьявол совсем!

Амбросимов: Я не болтаю, я серьезно. Поздно уже. Кто такая? Фамилия?! Говорить будем?!

Достоевский: Ассе... тьфу, регистраторша коллежская.

Амбросимов: Регистраторша? А Вы уверены? А не фрейлина ли придворная? О графине, стало быть, ни слова? И о воспитаннице ея? И о бобах? Бобы тоже вычеркнули? Почему? Или они другой природы, чем горох?

Достоевский: Да при чем тут горох?! Человек есть тайна! Ее разгадать надо!

Амбросимов: Это которую Пушкин в гроб с собой унес? Вот мы теперь без него эту тайну и разгадываем: кого же Вы убили, Федор Михайлович?

Достоевский: Господи! Покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой мечты моей!

Действие II

/ Та же обстановка. Звучит ария Германна из оперы "Пиковая дама" П.И.Чайковского/

Амбросимов: Послушайте, Федор Михайлович...

Достоевский: Я слышу, слышу... Нам далеко до Пушкина. Пигмеи мы, пигмеи.

Амбросимов: Ну, зачем же так?

Достоевский: Тьфу, пропасть! Опять полон рот каламбуров.

Амбросимов: Послушайте, что Анна Григорьевна пишет :..

Достоевский: Ведь вот эти папироски - вред, чистый вред, а отстать не могу! Каплям-с, першить начало, и одышка.

Амбросимов: Сразу после венчания мы отправились на квартиру на Вознесенском проспекте, которую Федор Михайлович нашел для нас: в доме Толя / Схема,20/, прямо против церкви Вознесения /Схема,21/.
Это не ее ли маковка у Вас в "Сейчашних справках" для "Преступления" нарисована? В тексте же о ней ни слова, как и о графине.

Достоевский: Разве?

Амбросимов: Ну, кроме бреда Раскольникова: там были какие-то мысли или обрывки мыслей, какие-то представления...

Достоевский: Какие-то представления без порядка и связи, колокольня Вознесенской церкви,..

Амбросимов: Биллиард в одном трактире и какой-то офицер у биллиарда, запах сигар в какой-то подвальной табачной лавке, распивочная; черная лестница, совсем темная, вся залитая помоями и засыпанная яичными скорлупами, а откуда-то доносился...

Достоевский: А откуда-то доносился воскресный звон колоколов. Вот видите?

Амбросимов: Видите? Район описан так подробно, со всеми деталями, погребками, проходными дворами, лестницами с отбросами. Все-то закоулки знаете! Но почему господствующая над всей местностью церковь упоминается один-единственный раз? И в каком контексте!

Достоевский: Я описывал трущобы и капернаумы.

Амбросимов: А дом Козеля? Где дом Козеля, вокруг которого тридцатки

прыгают? Почему к нему пути не указаны? Он что - в воздухе висит? Гнездо? - госпожи Липпевехзель? Странная какая фамилия: липпе - губы, вехзель - вексель. Сама же пучеглазая, сычиха... Афина? Иуда?.. Очень странно, очень... Но это потом, это потом. Где церковь, я спрашиваю? Где церковь? У читателя может сложиться неверное впечатление. Вы что из Твери? Рязани? Из раскольников? Федька Каторжный?

Яко тать в нощи... афинской.

Достоевский: Вы что спятили? Какие Афины? Я описывал святых, монастыри

Амбросимов: Ваши святые смердят! Деньги, обреченные в монастырь!

Достоевский: Не мои слова! Что Вы мне подсовываете слова моих героев? Так это и есть Ваша метода? Во всем привыкли видеть рожу сочинителя? Я же своей не показывал. Прекрасно знаете, как я относился к этим утопиям и коммунам! Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Нет! Мир спасет Красота!

Амбросимов: Что есть Красота?

Достоевский: Красота - загадка!

Амбросимов: Первая загадка Сфинги. Вторая: почему потребность в Красоте развивается наиболее тогда, когда человек в разладе с действительностью, в негармонии, борьбе? и третья: почему нравственное развитие личности начинается именно с преступления? Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека.

Достоевский: Нет счастья в комфорте. Покупается счастье страданием. Книгу Иова знаете? Она приводит меня в болезненный восторг. Вот путь человека: мимоидущий Лик земной и Вечная Истина соприкоснулись тут вместе.

Амбросимов: Что ж, последуем за Вами. Вот только откуда? Вы ведь здесь в разных домах жили.

Достоевский: Да, у Евреинова и Алонкина.

Амбросимов: Ну, у Евреинова только месяц. А до того?

Достоевский: У Астафьева./ Схема,22/.

Амбросимов: В доме с меандром. Рядом с полицейской конторой третьего участка Казанской части, которая до того переехала на Садовую и куда Вас вызывали за ...

Достоевский: Вот видите? Видите? Контора находилась в части, где жил я сам!

Амбросимов: Дамы и невеста помещаются у Бакалеева / Схема, 31/, здесь же / Схема, 24/ - Порфирий Петрович?
Кстати, Федор Михайлович, почему Порфирий в черновиках имеет фамилию - Семенов-, в тексте же она вычеркнута? Семенов - это реальное лицо? Управляющий частью?

Достоевский: Нет. Частью управлял штабс- капитан Юнг.

Амбросимов: / хохочет/. Так это Юнг Вас вызывал за неуплату долга Пушкину?

Достоевский: Не юродствуйте. Знаете, о каком Пушкине речь.

Амбросимов: Знаю. Об Александре Сергеевиче, с которым Вы те сто шагов рядом шли после того, как он Вам "убийцу" в глаза сказал.

Достоевский: Да как Вы можете?! По-почему Вы знаете?

Амбросимов: Муха летала, она видела... Спрашиваю в последний раз: хотите ли назначить мне Ваши три карты? Да или нет?

Достоевский: Графиня не отвечала.

Амбросимов: В эту минуту Германну показалось, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом.

Достоевский: Да точно ли?

Амбросимов: Уверен. Старушонка, вся скрючившись и наклонив голову, сидела в уголку за висящим на стене салопом и смеялась, так и заливалась тихим неслышным смехом...

Достоевский: Согласен. Но Пушкин! - и мещанин?

Амбросимов: К тому же очень походивший на бабу в чем-то вроде халата, голова его свешивалась вниз, да и весь он был точно сгорбленный. Он, верно, тут где-нибудь притаился в углу... за салопом, на стуле...

Достоевский: Да, реализм есть фигура Германна, хотя на вид, что может быть фантастичнее?

Амбросимов: А не последовать ли нам за этой фантастической фигурой в старом салопе ? Посчитаем шаги заодно: от дома с мандрором до дома Аленки, прекрасной нашей сестрички, старушки, то есть, веселушки, Вы уж простите.

Достоевский: Считайте, сч-итайте! Только зачем? Ведь я у Алонкинажил, когда "Преступление"- то писал! И какая ж, однако, дчь!

Амбросимов: Я хочу докопаться до сути.

Достоевский: Какая там суть! Все равно не сходится! мы, русские, прежде всего боимся истины, то есть, и не боимся, если хотите, а постоянно считаем истину чем-то уж слишком для

нас скучным и прозаическим.

Амбросимов: Такая, знаете ли, смесь горячо идеального и вместе с тем тускло прозаического и обыкновенного, чтобы не сказать: до невероятности пошлого.

Достоевский: Это второе: мы все стыдимся самих себя.

Амбросимов: Пошлости стыдимся?

Достоевский: Нет, все мы раскаиваемся в тяжелых делах своих, из тех, которые у каждого человека всю жизнь лежат втайне на совести.

Амбросимов: Так вот для чего нужны страдания, остроги, концлагеря?

Достоевский: Каторга была для нас чем-то даже очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится. Точно камень у меня с души свалился.

Амбросимов: И вдруг - Раскольников! Все тот же камень на пути. Да? И сны. Да? Чего это вдруг Вам уже после каторги сон про луну расколотую приснился? Помните?

Достоевский: Как сейчас вижу: на востоке была полная луна, представляете? Огромная полная луна, которая вдруг раскололась на три части, и вновь сошлась. И так три раза. Потом...
Потом из луны вышел щит, на котором два раза было написано ДА ДА старинными церковными буквами. Щит отделился от луны и прошел по всему небу от востока на запад, а потом скрылся за горизонтом. И сам щит, и буквы на нем были осиновые. Представляете?

Амбросимов: Интересно.

Достоевский: Очень. Очень интересно. Этот сон меня чрезвычайно интересует. Я у всех спрашивал, решительно у всех, чтобы он мог означать.

Амбросимов: А и Д своею кровью начертал он на щите... Так никто и не растолковал?

Достоевский: Нет. Никто... А-М-Д... А и Д... Да... Ад... Странно... / Трет лоб/ Весьма... А что сейчас? Никто не пытался?

Амбросимов: Растолковать-то? Нет, не встречал.

Достоевский: А как же исследователи? Они-то что? Мне этот сон непременно растолковать надо, непременно. Я у всех спрашивал, решительно у всех.

Амбросимов: Исследователи? Да что Вы, Федор Михайлович! Скажите спасибо, что до Раскольникова не добрались, одни тексты

толкуют. Представляете, старуха-процентщица, якобы, - символ Вашего батюшки! Ха-ха-ха! Эмблема!

Достоевский: То есть , ухват, выходит по-ученому не ухват, а эмблема?

Амбросимов: Ухват-то? Не-ет! Ухват - это икона. А старуха - эмблема. Понимаете? Ну, да это еще что - эмблема-то! А то ведь и горизонтальный инцест пришить могут.

Достоевский: То есть как это?

Амбросимов: Любовь к сестре. Старушку-то Вы вместо нее убили, якобы! Представляете? Символически убивая сестру, Вы тем самым вступаете с нею в связь!

Достоевский: Господи, да как же так, да что же это?

Амбросимов: Это? Психоанализ. Фрейдизм в развитии. Но это потом, это потом... После смерти Вашей, представляете, странное какое совпадение все же: через несколько лет Вашу сестру убивают грабители.

Достоевский: Господи, ужас- то какой! / Трет лоб/... Какая странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений... Но о чем это мы?

Амбросимов: О снах.

Достоевский: Я придаю им большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне моего покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец... мда... я знаю, что мне грозит беда. А однажды снится мне сон, что я сижу у тетки в гостиной, тут же и мать-покойница, говорим мы о чем-то и вдруг вижу - маятник остановился. И в самом деле - тетка умерла в сей момент.

Амбросимов: А сон о луне Вам здесь / Схема,23/ приснился? В сониной комнате?

Достоевский: В сониной? Почему в сониной?

Амбросимов: Понимаете, мне бы хотелось привязать его к конкретному месту. Вы ведь Соне подарили свою комнату из дома с меандром?

Достоевский: Да.

Амбросимов: Я и подумал, что здесь. Да, да... Соне! Памяти нашей вечной!- все для нее, все в ней. И девятка от старушкиной квартиры, и галерея от суфлерок, и леток из Казны, и хвост Жар-птицы, и перо огненное... А вот и те двадцать шагов, которые спешит она пройти, чтобы скрыться из виду: от парадной дома с меандром до поворота направо в улицу.

Смотрите! Смотрите! Чей это шлейф мелькнул за углом? Не Сусловой ли? Уж какая ж эта ножка! Следок такой узенький и длинный, сладко-мучительный...

Достоевский: Да... Направо песнь заводит, налево - сказку говорит...

Амбросимов : Тут чудеса, "Преступление"...

Достоевский: И что мне тычут со всех сторон : "Преступление", "преступление"! "Я за чертями пришел", "отпустите мне десяточек "дьяволов"!

Амбросимов: Это Анна Григорьевна вспоминала. Сами-то Вы о себе ни слова. Мемуары не писали-с : не Жан-Жак.

Достоевский: К "Исповеди" питаю отвращение.

Амбросимов: Тем не менее, Вы пишете брату, что роман - это и есть Ваша исповедь! О каком романе Вы говорите? Не о "Преступлении" ли? - окончательный роман, который навеки утвердит Ваше имя. Ведь о нем же речь, о нем? Признайтесь, Федор Михайлович?

Достоевский: Предположим. Что с того?

Амбросимов ; Как это - что? "Убийство как одно из изящных искусств"! Страшная это вещь - красота! Опиум ... для народа.

Достоевский: Боязнь эстетики - первый признак бессилия.

Амбросимов : А я и не боюсь. Это Вы жаловались, что почерк - Ваше единственное сходство с Наполеоном.

Достоевский: Откуда Вы?

Амбросимов: Да из собственного Вашего письма. Приносят мне на почту письмо... Взял да и распечатал.

Достоевский: Как же Вы?

Амбросимов: Сам не знаю, неестественная сила побудила. Жаль, однако ж, что Вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик описал бал в самом игривом... барышень много, музыка играет, штандарт скачет... Я нарочно оставил его у себя. Хотите прочту?

Достоевский: Вам не кажется, Владимир Порфирьевич, что перлюстрация интимных отношений дело не столь уж нравственное?

Амбросимов: Полностью с Вами согласен. Но Вы же сами просили всех растолковать этот сон.

Достоевский: Вот его и толкуйте.

Амбросимов: Именно этим я и занимаюсь все это время.

Достоевский: Простите, не понял.

Амбросимов: Я хочу сказать, что Вы сами пытались расшифровать его: своим романом. Расшифровать, а возможно, даже и утвердить- этот сон, тот смысл его, который Вам не рассудочно, а бессознательно как бы был ясен. Я ясно выражаюсь?

Достоевский: Это можно и без факультета. Но почему Вы думаете...?

Амбросимов: Что сон это музыка? Нет, это Вы потом спросите. Почему я думаю, что Вы пытались утвердить сон? Да Ваши же слова: Я больше люблю лежать и думать. Помните?

Достоевский: "Преступление"? Помню. Я лучше любил лежать и думать. И все думал. И все такие у меня были сны, странные, разные сны... Тогда начало мне мерещиться... Я догадался тогда, что... власть дается только тому, кто посмеет наклониться и взять ее. Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это...

Амбросимов: Ни единому не приходит в голову...

Достоевский: Проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту?.. Впрочем, может быть, и приходит: веселых людей у нас много отыщется.

Амбросимов: Ну, вот, человека,который смеется, Вы и нашли, на каторге еще.

Достоевский: На каторге? Ом ки ри ?

Амбросимов: Да чего уж там! - дети знают.

Достоевский: В самом деле, я задумал его еще на каторге. Все сердце свое с кровью хотел вложить я в этот роман. Тогда у меня возникло много потребностей и надежд таких, о которых я и не думал. Но это все загадки, и потому - мимо, мимо.

Амбросимов: Мимо?! А какие книги Вы просите прислать Вам в ссылку?

Достоевский: Историков древних и новых, экономистов, отцов церкви, "Историю философии" Гегеля...

Амбросимов: Шведенборга, монографию о буддизме, "Материнское право" Бахофена, "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Энгельса!?

Достоевский: Не вижу преступления. Или они запрещены?

Амбросимов: Я спрашиваю: приехав в Петербург Вы сразу ищете сближения с раскольниками?

Достоевский: Как это известно ?

Амбросимов: Миллер говорит.

Достоевский: Орест Федорович?

Амбросимов: Я сказал: я... Как Вы сказали? Орест? Орест Федорович? Не может быть!

Достоевский: Я и говорю - сплетни.

Амбросимов: Да еще Федорович? Красиво.

Достоевский: Что ж тут красивого - в сплетнях-то?

Амбросимов: Значит, это он приходил к Вам за день до смерти? Вместе с Аполлоном и Страховым. Речь о Пушкине просил повторить.

Достоевский: Он самый.

Амбросимов: И тут кончается искусство, и дышит почва и судьба... Да... Вот ведь куда заехали, Федор Орестович, да... С ума можно сойти.

Достоевский: Да что с Вами? Да о чем?

Амбросимов: А что он за человек был?

Достоевский: Орест Федорович-то? Как Вам сказать? - добр очень, до чрезвычайности. Любвеобильность - вещь, положим, и недурная, но ведь можно и заездить клячу либерализма... Что с Вами?

Амбросимов: Трудно после такого продолжать допрос.

Достоевский: А надо?

Амбросимов: Надо. Работа такая... Давайте только не торопясь, хорошо? Вернемся к дому с меандром. Здесь в одно время с Вами жили Ливанов, Шапов, Максимов. Почему они все интересовались сектантами?

Достоевский: А восхощу мучений, сам явлюсь к мучителям и буду я спасен за муки добровольные.

Амбросимов: Извольте говорить прямо, без извилин. Что Вас связывало?

Достоевский: Не вижу связи.

Амбросимов: Не хватает тех связей, которые соединяют человека с жизнью? Что ж... Когда Вы познакомились с Апполинарией Сусловой?

Достоевский: В шестьдесят первом.

Амбросимов: Не с нее ли списан портрет матери Лизы Трусоцкой- хлыстовская богородица, меняла любовников и любила их мучать? Тип страстный, жестокий и чувственный. Что молчите-то? Она вон целую книгу написала: "Годы близости с Достоевским". Хотите послушать ?

Достоевский: Валяйте.

Амбросимов: Федор Михайлович нервно ходил по номеру, бросая отрывистые фразы. Внезапно поворотясь от окна к постели, в которой я лежала, отходя ко сну...

Достоевский: С Вас вовсе не требуется таких интимностей, милостидарь, да и времени нет.

Амбросимов: Несколько лет спустя Полина вышла замуж за Розанова. Знаете...

Достоевский: Это ее личное дело.

Амбросимов: Знаете, как он ее называл?

Достоевский: Не сердитесь, голубчик, но об женщине, я повторяю это - об женщине нельзя сообщать третьему лицу... Ангел и тот не поймет.

Амбросимов: Ну, не скажите! - Поморской раскольницей, хлыстовской богородицей! Правда, говорят, хлысты у своих богородиц не ножку целуют - коленку.

Достоевский: Экий Вы сплетник.

Амбросимов: В поисках истины не пренебрежем и молвой: вдруг Академ проговорится?.. Перед Вашим приездом в Париж, к ней, на Елисейские поля, летом шестьдесят третьего, Полина пишет в своем дневнике, что подумывает ... о вступлении в секту!

Достоевский: Достаточно. Мы и так дело бросили и звона в какую литературу заехали.

Амбросимов: Да ведь я это все к чему? План романа возник у Вас в этом доме?

Достоевский: О Сусловой? План? Да о чем Вы?

Амбросимов: Нет, я не про то. Все эти чувствительные подробности, милостидарь, до нас не касаются. Мы о "Преступлении".

Достоевский: В общих чертах - да.

Амбросимов: Нас интересует топография.

Достоевский: Архитектурные рчертания линий имеют, конечно, свою тайну.

Амбросимов: Это о доме Рогожина на Гороховой, где он Настасью Филипповну зарезал/ Схема,35/. Она, кстати, тоже с Сусловой списана? Да, Федор Михайлович, никогда фантазия не может выдержать сравнения с действительностью. Жизнь гораздо интереснее наших ортогональных проекций.

Достоевский: Плагиат.

Амбросимов: Проекции-то? Конечно...
Из дома с меандром два выхода: через черный ход в подворотню на Малую Мещанскую, и через подъезд на набережную канала. Вы каким ходом пользовались? Парадным? По торжественным дням, одержимый каким-то недугом...

Достоевский: Что Вы хотите?

Амбросимов: Прогуляемся по каналу от подъезда дома с меандром. Медленно, как бы в нерешительности, пройдем по Столярному мимо дома Гоголя, перейдем через Кокушкин мост, не останавливаясь и не опираясь на гранит, повернем направо. Шаг первый: кто такая процентщица ?

Достоевский: Опять? Говорили уже.

Амбросимов: Коллежская секретарша? Ассесорша?

Достоевский: Регистраторша.

Амбросимов: Афродита Петербургская? - Таврическая?

Достоевский: Да что Вы право...

Амбросимов: О графине, стало быть, ни слова? И о бобах, и о церквях? А почему Гох называет Лизавету красотой неописанной? А Елену Ивановну - старой ведьмой? Почему у нее нос куриная? Прямо Баба-Яга в кринолине! Палец в рот не клади-откусит! А может Царевна- Несмеяна? То-то ее наш принц рассмешил! Веселого человека выдумали!

Достоевский: Да уж и Вы рассмешили, батенька! Прямо опера! Черномор выходит!

Амбросимов: Никто никуда не выходит. Бабку Еленой зовут.

Достоевский: Но почему ж не Людмилой?

Амбросимов: Да потому что Раскольников не Руслан...
А Лизавета кто? Почему у нее ноги козлиные?

Достоевский: Да что Вы, право,Владимир Проппович! Хотели сон мне растолковать, а сами сказки, этаким Гоголем...

Амбросимов: А я сны и толкую: журавля в небе ищу.

Достоевский: Но при чем тут ноги? Ни черта не понимаю!

Амбросимов: Танец такой журавлиный есть.Геранос называется.Ариадна Тесея научила, открыла ему тайну Лабиринта.Показать Вам? Смотрите нужно запомнить все повороты и число шагов. Раз-два: налево, два-три : направо, три-четыре: вверх, пять-шесть: вниз.

Понимаете? Это очень важно! Иначе не выберешься: кругом "ведьмин студень" и "комариные плеши", шаг в сторону - и в баньку с де... пауками попадешь. Понимаете , это - Зона. Только Сталкеры могут пройти. По памяти. Представьте себе : ма в центре. Минотавр где-то бродит,руно золотое висит...
Давайте прямо к цели: у Лизаветы-то ребенок был шестимесячный, поминутно беременна.

Достоевский: Поминутно, поминутно...

Амбросимов: Родила царица в ночь не то сына, не то дочь, не царевну, не лягушку, а неведому ... старушку.

Достоевский: Слышу, что кричит что-то за две комнаты, а спросить как-то совестно и странно...

Амбросимов: Так кого Вы убили , Федор Михайлович?

Достоевский: Погодите, погодите... минутку... устал я... поминутно...

ЧЕТВЕРТОЕ ТРЕТЬЕ

/ Та же сцена, отраженная в зеркале /

Амбросимов: / рисует на стене три полумесяца, расположенные по окружности/ О, если бы хоть тень отца спросить мне удалось тогда, перед убийством!

Достоевский: Что это?

Амбросимов: Ананасный компот. Рисуночек Вам из письма: три серпа из луны расходятся. Лабрис вместо креста.

Достоевский: Лабрис? Вы видите здесь топоры?

Амбросимов: А Вы не видите... сон Раскольникова после убийства? Полная луна светлела все ярче и ярче...

Достоевский: Грустно и таинственно проходил сквозь стекла лунный свет.

Амбросимов: Это во сне... она так грустно улыбается. В действительности же комната ярко освещалась косыми лучами заходящего солнца: солнце сыпало золотым снопом лучи свои... Вся комната янтарным блеском озарена.

Достоевский: Вся комната была ярко облита лунным светом, все тут по-прежнему : стулья, зеркало, желтый диван...

Амбросимов: В момент убийства Родион солнца не видит. Только диван желтый.

Достоевский: Картинки в желтых рамках...

Амбросимов: Вот! Даже картинки желтые!

Достоевский: Огромный,круглый, медно-красный месяц...

Амбросимов: Вот-вот! Самое главное! Обратите внимание,Федор Михайлович, как работает архетип!

Достоевский: Кто?

Амбросимов: Архетип. Это Юнга словечко. Не того, что в полиции служил, другого: психоаналитика. Означает оно, то же, что и эйдос. Шеллинга-то читали?

Достоевский: Шваховат я в философии.

Амбросимов :Знаете, как говорится: не букве, а духу? Архетип - это одушевленная и одухотворенная цвето-музыка. Образ ее - икона. А если дух из нее вон- то символ,картинка. Ну,а если и без души, и без духа - то буква, знак, доска. вот такая эмблематика смысла.

Достоевский: А месяц-то ?

Амбросимов: Это потом... Сейчас про месяц. Знаете,мечталка такая есть? Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана? Или топор, да? Петельку, на которой топор у Родиона под мышкой висел, анх в Египте называлась петля эта... Впрочем, о чем это я? Это потом, это потом... Это месяц, да...Круглый он, понимаете? Круглый месяц! Луна, то есть, круглая, черт побери! У Вас в тексте она мужеского полу!

Достоевский: Полу...месяц... Ну и что ?

Амбросимов: Тут все дело в памяти. Чем больше Вы можете вспомнить, тем яснее Ваше сознание, тем правильнее речь. Мы многое забыли по разным причинам и в личной жизни, и в истории. Но,как бы это сказать? - забыть-то забыли, но бессознательно помним, так сказать, напеваем. И вот этим архетипическим мотивом и определяется наше речевое поведение. Музыка нашей речью управляет, сон.

Достоевский
Амбросимов: И кто знает кто кому снится?

Амбросимов: Да. Потому что сознательно мы меньше помним, значит,жизнь-это сон?
Бред?

Достоевский: Бред !

Амбросимов: А во сне, творчестве, порывах вдохновения, взлетах фантазии за журавлем, любовью, мечталкой - мы вспоминаем иногда такое, что нам и не снилось! Вот и Вы вспомнили, оговорились, что круглый месяц, который сейчас луной называется,-мужчина. Понимаете? Это очень важно, Федор Михайлович, очень! Дело в том, что в незапамятные времена, при царе Горохе, как говорится, Луны не было. Не на небе, конечно, а в языке. Был Месяц-Силен,бык рогатый: символ разума, рассудка,логики. Его изображали также в виде двойного топора-лабриса. Понимаете? Да? Нет? Это - логика : да-нет, или-или, третий-лишний! Вот почему луна улыбается, а месяц смеется... и вынимает из кармана Мармеладова петушка.

Достоевский: Старушонка сидела и смеялась, так и заливалась тихим, неслышным смехом, изо всех сил крепясь, чтобы он ее не услышал. Вдруг ему показалось, что дверь из спальни приотворилась и что там тоже как будто засмеялись и шепчутся...

Амбросимов: Третий - лишний...

Достоевский: Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шопот раздава-

лись все сильнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота... Это месяца такая тишина... Он, видно, теперь загадку загадывает...

Амбросимов: Отгадали?

Достоевский: Н-нет...

Амбросимов: Да что ж тут неясного? Все ясно, как божий день! Месяц - мужчина, а Солнце - женщина. Гелена. Вот почему Елена -Солнушка ударом топора рассудка раскалывается на три части: вначале обухом по голове - раз! / бьет по выключателю/ - и свет погас Дух из нее вон! А тут еще Лизавета! Зачем она подвернулась?

Достоевский: Странно, однако ж, почему я об ней ничего не думаю, точно я не убивал? Лизавета, Соня! Бедные, кроткие, с глазами кроткими, милые.

Амбросимов: Он посмотрел на Соню и вдруг в лице ее как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он...

Достоевский: Приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице точь-в-точь как маленькие дети, когда они начинают чего-нибудь пугаться... Почти то же самое случилось теперь и с Соней:так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку...

Амбросимов: Два! Лезвием пополам! Душа из нее вон! Вот Вам и сон. Сколько будет дважды два?

Достоевский: Пять.

Амбросимов: Три: Елена,Лиза и Соня.

Достоевский: Но там луна раскалывается!

Амбросимов: Ну! Солнце-то не разобьешь! - не зеркало! Сознание- можно,но Солнце - нет! В сознании же - пожалуйста!: была Солнушка, будет Солнышко, была Гелена - будет Гелиос, Ваш щит осиянный, лоб медный, каска пожарная... Да!Да! Сколько будет дважды два?

Достоевский:Три.

Амбросимов: Верно. Трижды три - девять, да? Число Беатриче.

Достоевский:Не месяц?

Амбросимов: Что-месяц? Месяц Селеной стал, Гекатой - трехликой - Богиней, внушающей ужас и любовное безумие, ведьмой ночей, владычицей перекрестков. Луной./Напевает/. Солнце-матушка моя, Месяц - ясный мне отец... /По-грузински/.

Достоевский: Все наоборот. Любопытно.

Амбросимов: Любопытно? Да что ж тут любопытного? Мрак сплошной, лес темный, не видать ни зги, сам черт ногу сломит?! Нет уж, какой тут Родя, Федор Михайлович!Нет! Тут не Раскольников, тут дело фантастическое, мрачное, когда помутилось сердце человеческое. Нет, тут не Раскольников! Тут топор, запущенный в Космос! Раскол сознания! Звездные войны! Космическая шизофрения!

Достоевский: Что?! Что?!

Амбросимов: Так что сами видите, Федор Михайлович, хорошо еще, что Вы старушонку только убили, ну , и сестренку ее беременную между прочим. А выдумай Вы другую теорию, так пожалуй бы и еще в сто миллионов раз безобразнее бы дело сделали!

Достоевский: Позвольте, позвольте!

Амбросимов: Не позволю. Теперь уже не позволю.
Пишите же: законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами...

Достоевский: Что Вы мне мокрое дело-то шьете? То к цифре прицепились, теперь психику мне мою подсовываете? Стало быть и у Вас ничего нет, ничего, кроме этого бреда, никаких фактов, кроме психологии, которая о двух концах, ничего, кроме двух топоров, ничего...

Амбросимов: Магометами, Наполеонами и так далее, - все до единого были преступниками, уже тем самым, что , давая Новый Закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый. Ореста помните?!

Достоевский: Миллера?

Амбросимов: Нет, другого! Который мать свою убил, Клитемнестру,- и Елену - между прочим!

Достоевский: Это его Пилад подговорил!

Амбросимов: Да,-убей,- говорит,Елену,- и прослывешь не убийцей матери, а убийцей этой бляди, мстителем за героев ахейских, павших под стенами Трои, по которым эта сука бесстыжая хвостом плаща своего пурпурного мотала - с белым подбоем.

Достоевский: Все началось с Каина.

Амбросимов: Никто не может перемерить меру Судьбы, Предел богов:
За высоковолосую за Елену
был должен в пылу палящего огня

Сгинуть просторный Пергам!

Достоевский: Куда стремишься, офицер?

Амбросимов: Стремлюсь освободить Россию...
Спрошу тебя, как истый Росс!
Что значит праздный сей вопрос?

Достоевский: Женщины, женщины, главное женщины, потому что женщины всем орудуют. Нынче век женщин повсеместно. Женский век, говорю тебе. Во всей Европе первая женщина это уже, конечно, ледя.

Амбросимов: Афина? Та что Ореста на Ареопаге оправдала? Иуда, предавшая древний матриархальный завет?.. С Новым Вас Заветом! С новым Законом! Да здравствует царь Орест!.. Но разве отменишь совесть? Живут богини-мстительницы! живут! Помните, как они Ореста гоняли? А палец себе откусил! А Гамлет! Чего это он мучается? Распалась дней связующая нить, не знаю, как ее соединить!

Достоевский: Шекспир - это избранник, которого Творец помазал Пророком, чтобы разоблачить перед миром тайну о человеке.

Амбросимов: Time is out of joints! Свихнулось время! Захромало. Прервалась нить памяти. Забыли люди поворототы в лабиринте. И Офелия не может помочь: не любит ее Гамлет. Что ему Офелия! Он за папочку мстит родной матушке: на тебе, сука, клоп-шток-с! Я ту, что ложе моего отца изменой запятнала, уничтожил! Мне жен лихих казнить не надоест!
Выродок! Подонок!

Достоевский: Да что Вы все в кучу-то?

Амбросимов: Да потому что куча и есть: сами знаете. Всё.Семьсот тридцать первую, правда , нет. Это уже после Вас было... И Хиросима тоже... Да где ж конец кровавой этой цепи?

Достоевский: Подите к дьяволу!.. Вы мне нравитесь , милостивый государь, нравитесь. Удались чрезвычайно, Порфирий Порфирьвич, дерзайте! На приступ! Вы еще молоды. Но когда-нибудь и Вы поймете, что страдания и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди должны ощущать на свете великую грусть... Вот только Елена, помнится,не Луной стала - звездой!

Амбросимов: Астерией, или Ортигией, если быть точным,- сестрой Лето, той, что Зевс-таки изнасиловал. Ортигия же гордая, спасаясь от него, звездой - Астерией пролетела через весь как комета,- только клочок шлейфа за угол зацепился и - плюх! - в Средиземное море: остров стал, Делос называется, знаете? Он всем известен. Тут и храм солнцу стоит, сюда, говорят, волчица Лето, Зевсом изнасилованная, из русских чащоб гиперборейских прибежала и родила тут щенков : Артемиду и Аполлона. Только вот Аполлон на сестру свою ноль внимания, а Делос мучается; Ортигия, обитель Артемиды, далеко...

Достоевский: Хватит! Греческая антология и прекрасная вещь, но иногда бывает просто не к месту.

Амбросимов: Моя печаль бессменно тут и ей конца не будет...

Достоевский: Понятно.

Амбросимов: Понятно теперь почему Соня направо идет?

Достоевский: Потому что от меня?

Амбросимов: Не только. Сны по земле не ходят. Они в людях живут, в Зазеркалье. И призраки тоже - Эриннии.

Достоевский: Может ли мерещиться в образе то, что не имеет образа? Но мне как будто казалось временами,что я вижу в какой-то страшной и невозможной форме эту бесконечную силу, это глухое, темное, немое существо. Я помню, что кто-то будто повел меня за руку, со свечой в руках, показал мне какого-то огромного и отвратительного тарантула, и стал уверять меня, что это то самое темное, глухое и всемильное существо, и смеялся над моим негодованием.

Амбросимов: И вошел князь. Интересно, Федор Михайлович, давайте пофантазируем,а? Представим, что не Родион к Соне идет, а Лев?

Достоевский: Позвольте.

Амбросимов: На какой бы он этаж попал, как Вы думаете?

Достоевский: Почему Вы спрашиваете? На третий, конечно.

Амбросимов: На третий? Лев? Странно. А почему же Раскольников на второй идет? Почему Вы его на второй посылаете?

Достоевский: На второй? Да. Опять ошибка?

Амбросимов: Это не ошибка. Это закон Числа. Двойка- мужское число, тройка - женское. Наши герои за числами следуют. Числа их водят. Бесы. Туда-сюда, вверх-вниз, все по кругу да по кругу, по спиральным лестницам.

Достоевский: Вот-вот! Каяться-то Родион идет на четвертый этаж, не на второй!

Амбросимов: Тоже четный. Как в народе говорят? - Бог нечетку любит. Четные числа мужские, нечетные - женские. Родион - четный, меченый, мино-тавренный, таврический... О! Да тут целая история! Он ведь не сразу сдается-то! Мужская доблесть. Он еще подшучивать изволит - над Ильей - пророком стебается и Афину Иудой, сычихой называет. Или это уже Вы? Когда Пушкину-то задолжали? Зарницыной, то есть, Заре, Эос... На Запад путь забыв с одною кобылицей к Заре вернулся Гелиос... Извините, что так дотошен: каждой кобыле счет ведут. Да ведь кобылица-то : золото!
Дай вороного коня!
Жилы во мне играют!
Я пролечу до края, город и степь накреня.
Ветер раздует пламя в жаркой крови аргамака,
Травы сгорят под нами - пыль и копытный цок.
Твой аргамак узнает, что такое атака!
Бросим робким тропам грохот копыт в лицо!..
О чем это я?

Достоевский: Чет-нечет, числа, Заря, кобылы...

Амбросимов: Бобы! Вот Вам и бобы! Пифагор. Числа. Погиб смертью храбрых на гороховом поле. Тройка - это энергия. Женская энергия. Когда Вы посылаете Родиона каяться, то он попадает не на четвертый этаж - не король уже, царь горох! - опять Вы все перепутали! - Соня загоняет его на третий, хотя о любви нет между ними ни слова. Это...

Достоевский: Да, да, ни слова... На третий , так...

Амбросимов: Но и тут еще он не кается. Его гордыня преследует - Гибрис - и он опускается вниз, и только широко открытые глаза Сони заставляют его вновь вознестись, не считая уже ни ступенек, ни этажей. Я правильно Вас понял? Историю эту поисков души? Ведь тут опять ангелы-дворники, и собачонка лает ведьмина, и кто-то в нее скалкой кидает.

Достоевский : Мимо! Мимо! Дальше !

Амбросимов: Куда дальше-то? И времени больше не будет! Четыре плюс три - число оперативной памяти: семерка. Человек не может одновременно, в один миг запомнить больше семи битов информации. А память и есть время. Семерка эта. Число. Вот когда Германна спрашивают,- Сколько время?- неподвижная идея заставляет его автоматически отвечать: без пяти минут семерка. Да?
Очень болезненное впечатление на него произвели рассказы старушки, Сен-Жермен и Каббала.

Достоевский: Верно! Верно! Время есть цифры! Время есть: отношение бытия к небытию.

Амбросимов: Главное - семерка. Вы примеряете ее в романе только ко временным категориям. Правда, с исключениями. Когда речь идет о детях Гефеста - семеро их, чакры это, духи энергии, в Вавилоне в виде лошадей изображались, видно, Солнцу без коней не обойтись... О чем это я ? С головой что-то...

Достоевский: Вы говорили об исключениях.

Амбросимов: Каких исключениях? Господи, что это с головой творится? Вы ничего не видите?

Достоевский: Н-нет... Да Вы присядьте, голубчик, отдохните.

Амбросимов: Отдохнуть? От чего? Я не устал. Времени нет. Да! Я о времени. Исключая Гефеста, я говорю, кабиров, то есть семеро их, в виде карликов изображались, семеро их... Семеро их! Но это потом, это потом, это потоп, это потоп, это топот, топот копыт, это топыт, это поты... /бормочет/...
/Резко/ Семь-пять-три-один! Семь тысяч пятьсот тридцать один год. Камо грядеши, старик? / Падает в обморок/.

ДЕЙСТВИЕ III

/ Обстановка как в первом действии/

Амбросимов: Бредил я что-нибудь?

Достоевский: Еще бы! Себе не принадлежали-с!

Амбросимов: О чем я бредил?

Достоевский: Звося! О чем бредят? Известно, о чем бредят... Вы, должно быть, несколько дней сряду ни с кем не говорили?

Амбросимов: Почти так. А что, верно, дивитесь, что я такой складной человек?

Достоевский: Нет, я тому дивлюсь, что уж слишком Вы складной человек.

Амбросимов: Оттого, что грубостью Ваших вопросов не обижался? Так что ли? Да... чего обижаться? Как спрашивали, так и отвечал. Ведь я особенно-то ничем почти не интересуюсь, ей Богу!
Особенно теперь, ничем-таки не занят... Я Вам откровенно скажу : очень скучно!

Достоевский: Что же Вы это так, голубчик? Ай-ай-ай! Нежности у Вас нет, одна правда, стало быть, несправедливо!

Амбросимов: Нежности?! Какие нежности? Одни числа! Знаете,сколько у Вас чисел этих? Больше двух тысяч!

Достоевский: Что Вы говорите?

Амбросимов: Не роман, а какая-то бухгалтерская книга. Что Вы за числа-то прячетесь? Кажется, что вот хотите что-то сказать, но из боязни прячете свое последнее слово. А?

Достоевский: Вся действительность не исчерпывается насущным , ибо огромною своею частью заключается в ней в виде подспудного, невысказанного будущего слова. Европа идею предчувствует самостоятельную, русскую, чревата ею земля ужасно, и в страшных муках готовится родить ее.

Амбросимов: Мы такого изобретем философа - красавчика, который выйдет и начнет лекции читать философские на тему веселости и невинности и в которого разом влюбятся все дамы,вроде Владимира Соловьева, да?

Достоевский: /смеется/ Подъезжая под Женеву, у подножия креста встретил Святую Деву, Матерь господа Христа.

Амбросимов : Скажите, Федор Михайлович...

Достоевский: Что ?

Амбросимов: А почему Любимов и Катков заставили Вас переписать четвертую главу четвертой части, когда Соня читает Четвертое Евангелие?
Странно сошлись за чтением вечной книги убийца и блудница...

Достоевский: Про эту главу я ничего не умею сказать, я писал ее во вдохновении настоящем. Любимов объявил решительно, что надо переделать. Я переправил с трудом и тоской. Зло и Доброе в высшей степени разделено, размежевано и ясно. Чтению Евангелия придан другой колорит.

Амбросимов: Но русским духом пахнет.

Достоевский: Где?

Амбросимов: Здесь.

Достоевский: Ей мучительно самой хотелось прочесть именно ему .Соня раздельно и с силой прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала: Я верую,что ты - Христос, Сын Божий, грядущий в мир!..

Амбросимов: Отрепьева - знаю, Толстого - знаю, а Вас... Вы не боялись?

Достоевский: Чего?

Амбросимов: Анафемы.

Достоевский: Не вижу оснований.

Амбросимов: Но Вы настаиваете на этом духе весь роман! Русский Христос - идеал красоты человеческой - и убийца матери!

Достоевский: Идеал красоты человеческой - русский народ!

Амбросимов: Это мы знаем : нарсд-богоносец!.. Но к Соне-то не весь народ приходит! Зачем, зачем я прежде не знала?
Зачем ты прежде не приходил, о Господи!- Вот и пришел,- отвечает Великой Блуднице наш l'homme qui [illegible]
Да, Ареопаг осмеет Вас и освищет, но всегда является где-нибудь в невидном углу женщина, именем Фамарь... и идея не умирает, в ход идет, растет и множится и побеждает мир... а мудрецы умолкают.

Достоевский: Да. Это - о передаче Великой Идеи через Великих Блудниц.

Амбросимов: Но какой ? Идеи поклонения полу через целование коленки? Той, что Суслова Розанову отдала?... Да, там блудница и тайна... Но что мне в конце - концов за дело, кто... где живет? Меня Вы интересуете, Вы!

Достоевский: Но мы установили место моего жительства. Знаете,странное свойство: я способен ненавидеть места и предметы, точно как будто людей.

Амбросимов: Да знаю я, знаю! Вы поселили Родиона не в том доме,где замышляли "Преступление", и даже не в том, где его описывали. Вы поселили его ближе к месту убийства. Но Вы не сократили числа шагов! Вы даже не оставили того числа, что идет от Вашего дома! Что это значит? Что? Отнимите же камень!..
Это значит, что дом, где жила процентщица Елена, вовсе не тот дом! Но куда же Вы идете, куда?

Достоевский: В Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших.

Амбросимов: Э нет, Федор Михайлович! Адрес Вам известен. Он в Вашей памяти механически отчеканился. Очень он для Вас важен был! Всё! С меня довольно сего сознанья!...
/Скрывается за углом/.

Достоевский: Да погодите! Да куда ж это Вы?!

Амбросимов: С меня довольно! Слова! Слова! Слова! А сами водите всех за нос битый век уже! Тоже мне, Гоголь!

Достоевский: Да Вы-то кто такой? Вы-то что за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого Вы мне премудрствующие пророчества изрекаете ?

Амбросимов: Да хватит цитировать! Тем же могу ответить: признаюсь Вам, я сюда насчет женщин поскорее приехал./Резко/
Почему Родиона так и тянет на Сенную? Почему он кается на Сенной? Почему кругами по ней ходит? И все время отворачивается! От чего Вы отворачиваетесь? Почему Вы не видите огромную церковь Успения Пресвятыя Богородицы? /Схема,26/

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла
Так никто взглянуть и не посмел...

Три раза ее взрывали по ночам, три раза! Одна макушка под конец оставалась, так и ту отбойными молотками раскрошили! А?! Лягушек- царевен можно хлыстом избивать и старушонок чем попало лущить в свое удовольствие?!

Достоевский: Знать ничего не знаю! Язва !

Амбросимов: Так Вы ее и ждали, моровой язвы-то, трихин этих семьсот тридцать первых, атомов чумных, после которых только такие как Вам Родион и " идиоты" Ваши выживут!

Достоевский: А, так вот оно что-с! Слушайте, сударь, меня, я еще давеча, с первого шагу, разгадал Вашу неприязнь, но нарочно оставался здесь, чтобы узнать еще более. Многое я мог бы простить больному, но теперь... Вам... никогда...

Амбросимов: Я не болен!

Достоевский: Что Вам нужно?

Амбросимов: Солнце ярко блеснуло ему в глаза, так что больно стало глядеть. / Смеется/.

Достоевский: Прекратите!

Амбросимов: Любишь ли ты на Солнце смотреть, Шатушка? /Смеется/.

Достоевский: Довольно!

Амбросимов: Точно гвоздь ему вбивали в темя!

Достоевский: Остановитесь!

Амбросимов: А он все хохотал, все хохотал!.. Успокойтесь, люди же смотрят. Смешно, право, и стыдно.

Достоевский: Что ж,люди? Пусть смотрят, как ты меня до исступления довести хотел! Ты же знал, что я болен и раздражить хотел, до бешенства, чтобы я себя выдал, вот твоя цель! Нет, ты фактов подавай! Ведь это еще не факты, это только миражи! Я все понял! У тебя фактов нет, у тебя только одни дрянные ничтожные догадки! Ты знал мой характер, до исступления довести хотел, а потом вдруг и огорошить попами... и депутатами! Но смеяться себе в глаза и мучать себя я не позволю! Слышите Вы это, Ставрогин? Не позволю.

Амбросимов: Что значит семьсот тридцать?

Достоевский: Не знаю, не знаю! Все как в тумане... Сон, мираж, Афина, Академ, Гелена, Орест, лабиринт, пальмы, Египет... С одной стороны море, с другой Италия... Самый умышленный город на земле. Может быть, все это - чей-нибудь сон, и ни одного-то человека здесь нет настоящего, истинного, ни одного поступка действительного? Кто-нибудь проснется, кому все это снится, - и все вдруг исчезнет? Уйдет туман и останется всадник на финском болоте.

Амбросимов: Хватит тумана! Смотрите: перед нами Малая Мещанская, в основании улицы - Ваш дом. Справа - Казна, Пожарная управа / Схема,27/, во главе с брандт-майором Геллерманом, и Соня. Так?

Достоевский: Не мешайте!.. Афина, лабиринт, Солнечный человек?..

Амбросимов: Слева - Трут, Елена, Юсупов сад. Справа - казна, Эллерман и Соня...

Достоевский: Это все теперь точно на том свете... И так давно. Да и все-то кругом точно не здесь делается... Вот и Вас... точно из-за тысячи верст на Вас смотрю... Да и черт знает, зачем мы об этом говорим! И к чему расспрашивать?

Амбросимов: Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб.

Достоевский: Квартира?.. Да, квартира много способствовала... Я об этом тоже думал... А если бы Вы знали, однако, какую Вы странную мысль сейчас сказали...

Амбросимов: Куда упирается вершина креста?

Достоевский: К черту! Знать ничего не знаю! Вот Вам Ваши семьсот тридцать ! - пусто!

Амбросимов: Это потому что Вы семените. Я тоже считал. Моих тут семьсот десять. И до часовни еще / Схема,27/... давал - цать? У всякого свои шаги./ Бросает монетку в канал/. Третий час пополудни. Соня ждет Родиона. Где-то он летает, сокол ясный, на какое солнце смотрит - голубое, зеленое, черное ? Конечно! Она же в окно видит не солнце, а брандмауэр Пожарной Управы! Почему? Ведь три ее глаза, окна, простите, на канал смотрят в начале романа! Опять перепутали? Слыхом не слыхать, видом не видать? Где русский дух-то? Так я Вам скажу: в окна свои она

должна видеть золотую маковку церкви Вознесения Господня.

Достоевский: /сжимает виски руками/ Больно!

Амбросимов: Вот почему Родион видит в бреду эту маковку, а не лысину старухи и не купол Исакия, который, казалось бы, должен был отпечататься в его памяти после бичевания Мышкина на Семеновском плацу!

Достоевский: Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно долго смотрел на эту крышу и на лучи от нее сверкавшие, оторваться не мог от лучей: ему казалось, что лучи - это его новая природа, что он через три минуты как-нибудь сольется с ними.

Амбросимов: Луч солнца прошил Вашу память насквозь. Через всех героев прошел: Родиона, Аркадия, Мышкина, Хромоножку, Иппо-лита.

Достоевский: Взойдет Солнце и " зазвучит на небе" и польется громадная неисчислимая сила по всей подсолнечной. Пусть! Я умру, прямо смотря на источник силы и жизни!/ Смотрит на солнце/.

Амбросимов: Говорят, Солнце живит Вселенную? Взойдет Солнце и - посмотрите на него: разве оно не мертвец?

Достоевский: Это не солнце! Я люблю Солнце! Это... что это?! Странный припадок : похож на падучую, и однако же не падучая./ Сбрасывает шинель/. Ух, как с колокольни слетел! Какое блаженство! Господи, какое блаженство!

/ Исчезает. Амбросимов продолжает диаблог сам с собой/.

Амбросимов: Это - аура перед приступом эпилепсии. Она дает человеку ощущение райского блаженства, слияния с матерью-природой. Время движется вспять - в Золотой век. Это состояние целостного сознания , не расколотого на мужское и женское. Йоги называют его самадхи. Оно длится всего секунды.

/Достоевский/: На несколько мгновений я испытываю такое счастье, о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную энергию в себе и во всем мире, и это чувство так сильно и сладко, что за те несколько секунд такого блаженства можно отдать всю жизнь.

Амбросимов: Но самадхи возникает от волевого усилия, тогда как аура-следствие болезни ... ауриpуемого.

/Достоевский/: Болезнь - единственная связь с тем миром, откуда приходят клочки его - привидения, и чем больше человек болен, тем соприкасание с другим миром больше.

Амбросимов: Больное сознание проективно и продуцирует экстатические видения, кои, в свою очередь, искушая блаженством, заставляют экстатирующего искать болезни.

/Достоевский/: Что же в том, что это болезнь? Какое до того дело, что это напряжение ненормальное, если самый результат, если минута ощущения, припоминаемая и рассматриваемая уже в здоровом состоянии, оказываются в высшей степени гармонией, красотой, дает неслыханное дотоле чувство полноты, меры, примирения и восторженного молитвенного слияния с самым высшим Синтезом жизни?

Амбросимов: Я остановил часы. Тридцать семь минут третьего. Вот и часовня. Семьсот тридцать.

/Достоевский/: Врешь, Кириллов!

Амбросимов: А такое дело, что после ауры наступает припадок, судороги, пена изо рта, а потом - депрессия, оглушенность, амнезия, мания величия и бред отношений! А такое дело, что в этой "священной" болезни Наполеон шарахает по толпе картечью, Лютер швыряет в чертей чернильницы, Магомет рубит головы неверным, Цезарь испепеляет полмира! Полноте, Федор Михайлович! Мы все глядим в Наполеоны.

/Достоевский:/ Врешь, Ставрогин! Врешь, Смердяков! К каким приемам вы прибегаете! Да, я болен падучей, но чтобы я, Федор Достоевский, сделал что-либо из выгоды или самолюбия? Врешь! Я сбиться не могу! Я видел Истину, и живой образ ее наполнил душу мою навеки. Я видел Истину, я видел и знаю, что люди могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей.

Амбросимов: Ну; да! Меч не прейдет и мир переродится вдруг чудом! Смотрите, смотрите! Эллингpад в воздухе складывается, в акурат над Кооповым салом!

/Достоевский/: Да! Россия победит мир духом, а не мечом! Я знаю Русь, и Русь меня знает ; потому и говорю это.

Амбросимов: Чтобы переделать мир по -новому, надо чтобы люди сами психически повернулись на другую дорогу...
... Зачем я здесь? Что я хочу понять? Что?..
Месяц лежу я в своем углу и думаю о...
Почему я все думаю о царе Горохе?
Когда царь-Горох с грибами воевал...
С грибами-мухоморами, с поганками-шаманками!
А-а! Царь-Горох! царь-Орест! Гор эст, никиль эст!
Но я тут при чем? Зачем это все мне ?
Горохи, бобы, алонкины, юнги... Откуда они тут?
Как грибы из почвы лезут!..
Не может такого быть! Не может! тут все подогнано, подтасовано, это какая-то западня. Лабиринт!
Где выход? Кто выход?..
Федор Михайлович? Где-е же Вы?.. Неужели Вы только затем, чтобы мучить, пришли?
Опять пустые комнаты, опять я один. Вот маятник стучит, ему дела нет, ему ничего не жаль.
Нет никого - вот беда!
Но что со мной? Если я так буду, то когда соберу все в точку?
Скорей, скорей! - дело совсем не в том, о Боже!
Не может этого быть! Не может!
Как же так? Я же не мистик, я ученый... Уму непостижимо!
Не может быть! Я - ученый. Нет, не то... Кто я? Купец, или закладчик, цитирующий Гёте? Это еще вопрос. Какой вопрос? И этого не понимаешь. Да и наплевать на меня. Не во мне совсем дело...
А кстати, что для меня теперь - во мне, или не во мне? Вот этого так уж совсем решить не могу... Во мне, во вне, во вне, во мне, в овне, в омне, в о-о-о-Т почему я думаю про Лизавету!
Так это я!? Я?
Это я убил тогда топором старуху - чиновницу и сестру её Лизавету топором и ограбил.
Это я - убил тогда старуху-чиновницу и сестру её Лизавету топором и ограбил.
Лучше бы спать лечь. Голова болит...
Ортигия, обитель Артемиды... чьи ноги, как буря...

конец